

Н. П. Воробейко, г. Киров, 1984, 30 страниц

...Человеку предъявлено обвинение в предательстве, и он чувствует себя отгороженным от людей. Обстоятельства упрямо свидетельствовали против Логинова — героя спектакля «Тяжкое обвинение». Но, странное дело, не было у меня сомнения в его невиновности. Почему? В этом не так-то легко разобраться. Может быть потому, что Логинов поначалу вообще не придал большого значения навету. А так держаться могут только люди с незамутненной совестью. А может, подкупал его голос? Какой-то трепетный, искренний, идущий от самой души. Роль Логинова — совсем не безоблачная роль. Надолго спокойствия ему не хватает. Мы начинаем ощущать какой-то надрыв в его душе, трещинку в его отношениях к людям. Трагически начинает понимать он, что ему отказываются верить. Обычная ясность духа покидает этого большого, спокойного человека. И мы слышим нервное, потрясенное: «Не буду, не могу ничего говорить!»

Скажем прямо: трудно узнать из пьесы о характере героя, его сомнениях, привычках, вкусах. Фигура Логинова выписана автором очень умозрительно. И тем более радостно за артиста В. Дворжецкого, что ему удалось вдохнуть в этот образ настоящую человечность.

К сожалению, мне довелось видеть артиста Горьковского театра драмы В. Дворжецкого в таких ролях, которые (по-моему) не могут подарить большого простора для его творческой фантазии.

Трудно говорить о том, какова сверхзадача спектакля «На горах». Разоблачение религиозного фанатизма? Но ведь зритель вправе подумать, что театр ополчается против изуверства хлыстов, оставляя в покое «нормальную» церковь. Может быть, театр берется за разоблачение пороков русского купечества? И в такое трудно поверить. Общий вздох облегчения раздается в зале, когда героиня спектакля срединяет свою руку с таким же славным и пригожим, как она, купеческим добрым молодцем. Много банальностей в этом спектакле! И только фигура Егора Денисова, «учителя» хлыстов, кажется мне живой и достоверной, несмотря на всю свою экзотичность. Столько в его молодом лице важности, искреннего сознания своего превосходства над людьми, что диву даешься! Артист В. Дворжецкий очень счастливо нашел ключ к этому образу. Он играет актерство своего Егорушки. Да, ему, претендующему на роль человеческого пастыря, никак не обойтись без лицедейства, картинных поз. Но иног-

ЗРЕЛОСТЬ ТАЛАНТА

В. ДВОРЖЕЦКИЙ

да «учитель» вдруг забудется и проявятся в нем совсем другие черточки: забавная смесь легкомыслия, отчаянной удачи и откровенного нахальства. Что и говорить, достойную фигуру добровольно избрали в свои духовные наставники одичавшие от безделья помещицы и купчихи.

Довелось мне видеть В. Дворжецкого и в роли профессора Шанхаузера («Жаркое лето в Берлине»). Это была работа совсем другого плана. Артист предстал перед нами в образе старого, искалеченного тяжелейшими обстоятельствами жизни немецкого интеллигента. Но не эту ущербность, не эти страдания играет В. Дворжецкий. Наоборот, его герой словно стесняется вспоминать о своих личных невзгодах. С какой неловкостью говорит он об этом! Подлинный гуманист, он живет думами о своей родине и несчастье его народа.

В. Дворжецкому трудно «спрятаться» за грим. Его выдает не только характерное лицо, высокий рост. Его сразу узнаешь по голосу, окрашенному удивительной искренностью и теплотой. Но такое узнавание никогда не вредит обра-

зам, созданным им, потому что он обладает высоким даром внутреннего перевоплощения. Надо ли говорить о том, как драгоценна эта способность для каждого артиста?

Очень интересно было наблюдать его в образе Александра Блока (спектакль «Вьюга»). Автор этих строк не принадлежит к числу поклонников пьесы «Вьюга», и роль Блока не представляется мне удачей В. Дворжецкого. Но нельзя не признать, что им проделана большая, интересная работа. Впечатляюще донесена до зрителя сложность мышления Блока, поэтичность его видения, страстность и экзальтированность его натуры.

В. Дворжецкий легко переходит возрастной барьер. Вчера — молодой, румяный Егорушка Денисов, сегодня — старый, «мятый жизнью» странник Лука. Эта работа в замечательной пьесе Горького «На дне» кажется мне наиболее значительной из всего того, что довелось увидеть нам, кировским зрителям. Артист откровенно амнистирует своего Луку. Он вовсе не лукавый странник, смущающий народ баснями о неведомых счастливых землях. Такие рассказы, очевидно, приносят вред, но все, что делает Лука, — от чистого сердца, от страстного желания хоть чем-нибудь облегчить страдания людей. И Лука в спектакле — не немощный, не старый, а добрый, веселый, очень сметливый. Особенно ясно чувствуется его живая, чисто народная сметка по сравнению с тупой ограниченностью полицейского Медведея (его отлично играет Г. Писарев).

Говорят, он был очень интересным, своеобразным Карениным в инсценировке по роману Льва Толстого, удачно сыграл герцога Бекингема в «Ричарде III» Шекспира. Мне не довелось видеть этих работ. Но и по тем пяти спектаклям, где я встречала Вацлава Яновича Дворжецкого, у меня сложилось очень яркое впечатление о его даровании. Теплота, искренность, гражданственность художника — вот что присутствовало во всех его работах. За это большое спасибо артисту!

Б. ПОМОРЦЕВА.